

# Непосредственный институциональный диалог. Опыт прямой линии с президентом В. В. Путиным. Дискурсивные стратегии

## Citizen-institution non-mediated dialogue: the Russian direct line case

**Котта Рамузино П.** (paola.cottaramusino@unimi.it)

Миланский государственный университет, Милан, Италия

Прямая линия изучается в настоящей работе как своеобразный пример особого вида институционального дискурса. В частности, рассматриваются дискурсивные стратегии, применяемые «слабой» стороной данного вида коммуникации, т. е. гражданином/телезрителем.

1. Прямая Линия, введенная в 2001 году бывшим Президентом РФ В.В. Путиным в качестве нового и своеобразного средства политической коммуникации, привлекала и привлекает к себе внимание лингвистов. Представляя собой «метаморфозу речевого жанра интервью» (Паршина 2007: 31), являясь дистанционным, публичным диалогом между телезрителями и представителем власти, она приобрела за последние годы особую физиономию и жанровую структуру (там же: 32–33). Ее также можно включить в теоретические рамки т.н. институционального дискурса (institutional discourse) (Drew Heritage 1992), несмотря на то, что в ней сосуществуют неоднородные элементы: диалогический жанр является некоторым образом «неполным», так как у телезрителя нет реплики, как это происходит в обычных интервью. Из жанра интервью, с другой стороны, к ней перешли некоторые стратегии, или тактики, межличностных отношений (к примеру, прагматическая категория вежливости), сосуществующие с риторическим развертыванием дискурса, более характерным для политического дискурса монологического типа. Институциональный дискурс, по своей природе целенаправленный, организован вокруг центрального задания, характеризующего его и определяющего его основные характеристики. Как уже отмечено в литературе (Drew Heritage 1992), участники разных видов институциональной коммуникации проявляют метапрагматическую компетенцию, т.е. умение «вести себя» в соответствии с данной коммуникативной ситуацией, хотя не обязательно в качестве высококвалифицированных участников. Они умеют, по словам Ауэра (1992: 26), включаться в коммуникативную обстановку согласно «default assignment of context», или,

используя термин Гоффмана, в нужный «фрейм» (т. е. знание участников коммуникации о том, что они делают или должны делать в определенной коммуникативной ситуации). При этом можно упомянуть о том, что отличает институциональный дискурс от обычного дискурса, как не раз отмечали представители конверсационного анализа на основе исследований таких видов интеракции, как беседы «врач/пациент», «начальник/подчиненный»: не обязательно (и как правило редко) все участники институционального дискурса преследуют те же цели (Caffi 2000: 171).

1.2. Что касается Прямой Линии, исследователи склонны, с одной стороны, выявлять черты демократизации, в ней якобы проявляющиеся (Колокольцева 2004), а с другой стороны внимательно указывают на другую характеристику, частично противоречащую первой, т. е. на иерархическое неравновесие, асимметричность между участниками коммуникации (Паршина 2007, Колокольцева 2004). В преобладающем большинстве институциональных дискурсов проявляется прямая связь между «статусом» и ролью участников, с одной стороны, и их дискурсивными «правами и обязанностями» с другой (Drew Heritage 1992: 48–49). В такой коммуникативной обстановке, чаще чем в других контекстах, важную роль играют два из трех факторов, в свое время указанных Брауном и Левинсоном (1987), как угрожающих «лицу»<sup>1</sup> собеседника, т. е. социальное расстояние между Говорящим и Слушателем, и власть одного над другим. Равным образом,

<sup>1</sup> Понимаем «лицо» в значении Брауна и Левинсона (1987: 61) “the public self-image that every member wants to claim for himself, consisting in two related aspects: negative face (...) and positive face (...)”

Линелл и Лакманн (Linell e Luckmann 1991), измеряют асимметричность коммуникативной обстановки, основываясь на четырех параметрах, которые ими определены как количественное, интеракционное, семантическое и стратегическое доминирование, и по этим же параметрам, статус телезрителя в ПЛ является, хотя не всегда, в основном слабым<sup>2</sup>.

1.3 Изучению таких “unequal encounters” (неравных встреч) посвящены, в частности, работы Томас (Thomas 1985, 1989), в которых удачно описаны те “pragmatic features [which] were striking in the speech of all the dominant participants and entirely absent from the speech of the subordinate participants” (Thomas 1985: 767). Довольно-таки часто оставались вне внимания исследователей «слабые» участники коммуникации, т.е. те участники, которые имеют меньше власти, в силу чего в их распоряжении меньше “metapragmatic acts” (там же). Это непрофессиональные участники коммуникативной интеракции, опосредованной, и это тоже важно, таким мощным средством массовой информации, как телевидение.

1.4 Наша цель — исследовать в рамках данного вида институционального дискурса роль «непрофессионального», наивного, интервьюера. Наивного не только потому, что российские граждане, которые задают вопросы Президенту, скорее всего не знают и не умеют пользоваться стратегиями «нейтральности», употребляемыми профессионалами (Slayman 1992), но еще и потому что мы будем рассматривать лишь первые выпуски ПЛ, за 2002 и 2003 г.<sup>3</sup>: цельный и сравнительный анализ всех существующих выпусков последующих лет, показывает, как при укреплении жанра ПЛ, не только ответы приобрели стандартную структуру (Паршина 2007: 34), но и вопросы стали более стандартными и предсказуемыми, ограничивая тем самым индивидуальные коммуникативные стратегии.

2. По мнению Томас (1985: 766), мы должны учесть, что «the power relationship obtaining between the participants in an interaction and the institutional norms within which that interaction takes place are central to the way in which the discourse is developed and individual utterances interpreted». Неоднократно исследователи замечали, как, при «неравных ком-

муникативных интеракциях» сильный участник располагает целым рядом стратегий, при помощи которых «the dominant participant effectively denies his/her interlocutor the possibility of escaping into indirectness and 'pragmatic ambivalence'» (Thomas 1985: 767). Нас интересует «слабый» участник, а именно то, каким образом он решает, почти не осознанно, острый вопрос об отношении к власти, который лежит в основе институциональной коммуникации и предопределяет коммуникативное поведение участников.

Вообще, при такой асимметричности, когда ярко проявляется социальное расстояние и иерархическая подчиненность одного коммуниканта, ожидается почти без исключений, что слабый говорящий осуществляет свои речевые акты *off record* (Brown e Levinson 1987: 17–21), т.е. косвенно, двусмысленно, чтобы минимизировать последствия собственных речевых поступков<sup>4</sup>, хотя данное речевое поведение предполагает искусного говорящего, умеющего пользоваться целым рядом риторических и стилистических фигур. Как увидим, высказываясь, наоборот, *on record*<sup>5</sup>, Г в ПЛ в любом случае находит разные способы ослабленного выражения критики, осуждения и т.д., смягчая тем самым акт, угрожающий «лицу» собеседника. Лишь в редких и особых случаях он выражается эксплицитно.

Примеры из ПЛ будем рассматривать в следующих секциях, учитывая уровень эксплицитности выражения вопросов (от полностью *on record* стратегий до протиположной крайности).

#### 2.1. Вопросы *on record*, без митигации.

В исследованных прямых линиях были обнаружены лишь три случая такого рода и, как увидим, они скорее всего, связаны со средством коммуникации.

В первом примере (1), крайне прямой вопрос, завершающий длинное введение о личном опыте телезрителя и вообще о пенсионной ситуации сограждан<sup>6</sup>, является явной критикой и косвенным директивным актом (Вы не должны были подписывать):

<sup>4</sup> “By going off record (...) a speaker can profit in the following ways: he can get credit for being tactful, non coercive and he can avoid responsibility for the potentially face-damaging interpretation” (Brown Levinson 1987:71).

<sup>5</sup> Вообще “to go on record” это когда Г совершает речевой акт, чья коммуникативная интенция не двусмысленная, ясная всем (там же: 68); в данном случае Г имеет перед собой две возможные стратегии: он может выступать полностью эксплицитно (“without redressive action, baldly”) или компенсируя угрозу другим способом (“with redressive action”) (там же: 69).

<sup>6</sup> “Мне 53 года, скоро пенсионный возраст. И глядя на жизнь пенсионеров, на ту пенсию, которую они получают, начинаешь задумываться, что же делать. Два года назад я заключил договор с негосударственным пенсионным фондом и теперь ежемесячно из своей заработной платы выплачиваю данному фонду. И в это время Государственная Дума принимает закон о пенсиях депутатам и бывшим депутатам. Размер этой пенсии составляет 16 тысяч рублей, что несоизмеримо с пенсией, которую получают сейчас пенсионеры по России».

<sup>2</sup> Согласно этой классификации, интервьюер ПЛ располагает частичным семантическим доминированием, так как он выбирает тему вопроса.

<sup>3</sup> Как известно, в сети имеются в принципе все версии, печатные и видео, Прямых Линий. К моему большому удивлению, оказалось, что отсутствуют (они якобы существуют, но нельзя их открыть по техническим причинам), именно первые видеозаписи. Несмотря на многочисленные попытки и на обращение к вебмастеру, не удалось их посмотреть. Естественно данное условие не позволяет утверждать, что стенограммы этих выпусков полностью соответствуют оригинальным речевым формулировкам выступающих.

- (1) *Вопрос: почему, Владимир Владимирович, Вы подписали данный закон? (ПЛ 2003)*

В следующем примере, благодаря анонимности, гарантируемой самым средством (Интернет) и защищающей его от последствий (ответ и упрек Президента<sup>7</sup>), Говорящий позволяет себе вопрос полностью *on record*:

- (2) *Слышали, что его скоро снова переименуют в Сталинград. Вы что там, все ... (Дальше слово, которое я не могу произнести в прямом эфире, я найду более мягкий аналог<sup>8</sup>) Вы что там, все с ума посходили? (по интернету, ПЛ 2002)*

В третьем примере резко отрицательный оценочный элемент является преобладающим благодаря пресуппозиции:

- (3) *Владимир Владимирович, когда наша страна начнет относиться к проблемам инвалидов так же, как в цивилизованных странах? Спасибо. (ПЛ 2002, телефонный центр)*

Анонимность защищает и следующего гражданина, который осуществляет открытый директивный акт, смягчая его лишь частично вводным риторическим вопросом (*как Вы считаете*):

- (4) *Я хочу Вас спросить, как Вы считаете, не пора ли заканчивать с приватизацией и начинать национализацию? (ПЛ 2003, телефонный центр)*

2.2 Другая стратегия осуществляется при выражении прямых вопросов, являющихся речевыми актами осуждения, чей оценочный компонент ослабляется при помощи переноса ответственности с собеседника на другое, третье лицо (или на государство).

- (5) *Объясните мне, пожалуйста, почему государство так много говорит и так и не решило проблему ветхого жилья? (ПЛ 2003)*

Такая же стратегия повторяется в следующем примере, в котором осуждение смягчается тем, что ответственность перекалдывается на другого политика, освобождая от нее непосредственного собеседника, не ставя его в тупик:

- (6) *Теперь как наше родное государство позволяет делать такие дела?(...) Прошу: как быть с реформой Чубайса? К чему это приведет? (ПЛ 2002)*

<sup>7</sup> «Я бы тоже мог употребить слова, которые нельзя использовать в эфире. Очень прошу пользоваться той лексикой, которая употребляема в режиме той работы, которую мы сейчас с вами вместе проводим».

<sup>8</sup> Данное замечание журналиста напоминает нам о его роли «режиссера» в изучаемом виде коммуникации: это именно журналисты на месте, которые давая слово, выбирая вопросы, определяют ход диалога.

В примере (7) еще больше усиливается оценочный элемент: ответственность за распродажу, vorostvo госсобственности (обозначаемые инкапсулятором «это», анафорически отсылающим к общему фонду знаний участников коммуникации), возлагается на неопределенное местоимение «кто-то» (которое приобретает в сочетании с наречием *дешево* еще и пренебрежительную коннотацию)

- (7) *Как это проходило? Как это без денег, дешево кто-то скупил, и куда это все девалось? Теперь как наше родное государство позволяет делать такие дела? (ПЛ 2002)*

В последнем примере осуждение скрывается под просьбой о помощи, угроза лицу собеседника смягчается частично употреблением местоимением «мы» (Мы-государство, мы сибирские люди, мы-родина)

- (8) *Вот скажите, пожалуйста, как нам быть? Как нам дальше жить? Я Вас приглашаю в гости на нашу сибирскую землю (ПЛ 2002)*

Обращаем внимание на употребление личных и притяжательных местоимений (мы, наш/е) в данных высказываниях, явно направленное на создание общего пространства, то же самое отмечается и в следующем примере:

- (9) *Владимир Владимирович, мы хотим быть нужными России. Мы хотим жить и работать в нашем городе (ПЛ 2003)*

В примере (10) критика касается не самого Президента, а государственных органов: пропозициональное содержание основывается на пресуппозиции общих знаний, за счет которой приобретает сильно оценочный характер, но опять же говорящий, хотя не «лицом к лицу», а по интернету, снимает ответственность со своего собеседника, давая ему возможность выйти из ситуации (Обладаете ли Вы полной информацией...)

- (10) *ОВД, ГАИ, эти службы явно или скрытно занимаются бизнесом. Безопасность гарантируется только для «служащих» этих структур. Обладаете ли Вы полной информацией об истинном положении дел в этих структурах? (ПЛ 2003, по Интернету А. Н. из Мурманской области)*

Ослабление прямой критики осуществляется еще при помощи перенесения ответственности за сказанное на третье лицо (синтаксически реализуется неопределенно-личными предложениями (11)), или на общепризнанный, авторитетный, хотя совершенно не определенный, источник (12):

- (11) *Говорят, что в Российской армии генералов в два раза больше, чем в Советской. (ПЛ 2002)*

(12) *Довольно-таки часто мы слышим с экранов телевизоров о том, что сотрудники милиции у нас бывают связаны с криминальной деятельностью.* (ПЛ 2002)

2.3 Иной раз говорящий прибегает к модализации эпистемической задачи (Caffi 2000: 451), оперируя модальными категориями при помощи формул, выражающих сомнение, снимающих таким образом ответственность с адресата (13), или лексически — употребляя модальные частицы (пр. 14–18), или еще при помощи субъективизации пропозиционального содержания (19–21); как показывают примеры (20–21) данное ограничение следует за противительными союзами или модальными частицами, выражающими сомнение, или предшествует им, тем самым их смягчая (21)

(13) *А Вы уверены, что информация о состоянии дел в стране, которую Вы получаете как глава государства и которую Вы используете для принятия решений, является достоверной и объективной?* (ПЛ 2002)

(14) *Меня интересует, что на сегодняшний день происходит в Чечне, может, пора начинать переговоры?* (ПЛ 2002)

(15) *Это разве возможно?* (ПЛ 2002)

(16) *Реально ли это?* (ПЛ 2002)

(17) *Правильно ли это?* (ПЛ 2002)

(18) *Похоже, наше государство забыло о науке* (ПЛ 2002)

(19) *Она как бы заявлена, но реальных действий на местах не видно. Я вот не вижу... То есть квартплату поднимают ...* (ПЛ 2002)

(20) *Но мне кажется, что в этом вопросе наше государство должно нас защитить* (ПЛ 2002)

(21) *Но вот, на наш взгляд, ....* (ПЛ 2002)

#### 2.4 Off-record высказывания

Как отмечалось выше, выражаясь не прямо Г избегает определенных последствий, хотя одновременно данный способ коммуникации требует более искусного выражения. В последующих двух примерах увидим, как Г прибегают к стилистическим средствам, для того чтобы смысл высказывания прозвучал размытым, растворенным.

В первой части примера (22) Г якобы растворяет критику политических деятелей в пространном тексте, оценочный компонент которого просматривается через призму иронии: Г описывает картину, драматически актуализирует быт политической элиты (*наверху, происходит*), амплифицируя её называнием синонимов (*встречи, совещания, заседания, законы новые принимают*), придающим картине явный иронический оттенок. Критика эксплицитно направлена якобы только на чиновников (вторая часть примера):

(22) *У вас, наверху, происходит много всего интересного: встречи, совещания, заседания, законы новые принимают, а в стране и у нас, в Дальневосточном Федеральном округе, все больше и больше появляется чиновников. И только заниматься народом они не хотят, их только становится все больше и больше. Что с этим делать?* (ПЛ 2002)

Следующий пример (23) является аллюзией, в нашей перспективе аллюзия входит в число стратегий, направленных на определение общего пространства, общих знаний, или на смягчение речевого акта:

(23) *Ермолаева Венера Лутфиевна, глава сельсовета. Здравствуйте, уважаемый Владимир Владимирович! У меня вопрос: как дальше будет с пенсиями? И самое главное: как будет сохраняться накопительная часть пенсий? Залезут ведь, точно, залезут...* (ПЛ 2002)

Ответ Президента показывает, что адресат понял аллюзию, и хотя не сразу, на нее реагирует:

*В. В. Путин: Вы знаете, это очень важный и интересный вопрос, который волнует миллионы людей (...)*

*Вы спрашивали о сохранности и использовании этой накопительной части. Очень важная тема. Должен Вам сказать, что от тривиального жульничества, конечно, закон оградит любого человека. Закон этот достаточно качественный и все возможные защиты от, повторяю, элементарного жульничества там предусмотрены.*

2.5 В последнюю группу включим примеры, в которых говорящие не выражают никакой критики, а, наоборот, намереваются установить с адресатом эмпатию, развертывая все те стратегии, которые, как установлено Брауном и Левинсоном, направлены на удовлетворение “positive face” собеседника (...), ссылаясь на общий опыт, на частные, но доступные факты личной жизни Президента. Можно заметить, что именно эта стратегия стала преобладающей с течением времени. Среди множества примеров можно выделить (27), который показывает провал выбранной тактики, что видно из ответа Президента (который не мог иначе ответить).

(24) *И, кстати, можно спросить: пользуетесь ли Вы такими лекарствами?* (ПЛ2002)

(25) *Я, кстати, знаю, что Вы активно занимаетесь спортом. Может быть, надо ввести специальный «путинский стандарт»? Не думаю, что половина наших генералов сможет подтянуться хотя бы 10 раз,* (ПЛ 2002)

- (26) *абсолютно уверены, что Вы владеете проблемами, которых великое множество на деревне.* (ПЛ 2002)
- (27) *Мне кажется, там будет второй Вьетнам. Мне кажется, просто все побегут оттуда, и оставшийся там хаос ударит по всем.* (ПЛ 2003)
- (28) *Я знаю, что в ночь перед выборами в Госдуму у Вашей любимой собаки Кони родились щенки. Я бы хотел узнать, как щенки себя чувствуют и какова их дальнейшая судьба?* (ПЛ 2002)

Итак, проведенный анализ показывает, что ПЛ, по крайней мере в первых выпусках, являлась особым видом политического институционального дискурса. Особым, потому что несмотря на явную асимметричность участников, оставляла некоторую свободу и слабому участнику, свободу выбирать предмет коммуникации (семантическое доминирование). Все-таки неравновесие заставляло слабых, наивных интервьюеров, прибегать, даже когда они намерены выступить открыто (*on record*), ко всем им доступным стратегиям смягчения, ослабления речевых актов, чтобы минимизировать последствия собственных высказываний.

## Литература

1. *Auer P. Di Luzio A.* (eds) *The contextualization of language* // Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1992.
2. *Caffi C.* *La Mitigazione*, Pavia: C.L.U., 2000 (английский перевод: Caffi C., *Mitigation*, The Netherlands: Elsevier, 2007)
3. *Clayman S. E.* *Footing in the achievement of neutrality: the case of news interview discourse* // Drew P. *Heritage J.* *Talk at work. Interaction in institutional settings* // Cambridge: Cambridge University Press 1992, p. 163–198.
4. *Drew P. Heritage J.* *Talk at work. Interaction in institutional settings* // Cambridge: Cambridge University Press 1992
5. *Гаврилова М. В.* Языковые средства актуализации значимой информации в выступлениях Президента Путина // <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=17345>
6. *Голанова Е. И.* Публичный диалог: коммуникативный узус и новые жанровые характеристики // <http://fixed.ru/prikling/conf/stilsist1/publjeatzxb.html>
7. *Колокольцева Т. Н.* Новые жанры диалогической коммуникации: теледиалог Президента с гражданами России // <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=17345>
8. *Linell P. Luckmann T.* *Asymmetries in Dialogue: Some Conceptual Preliminaries* // Markova I. Foppa K. *Asymmetries in Dialogue* // Harvester Wheatsheaf: Hemel Hempstead, p. 1–20.
9. *Паршина О. Н.* *Российская политическая речь* // Москва: УРСС, 2007.
10. *Прямая Линия 2003* <http://www.linia2003.ru/>
11. *Прямая Линия 2002* <http://www.linia2002.ru/>
12. *Thomas J. A.* *The Language of Power. Towards a dynamic pragmatics* // *Journal of Pragmatics* 9 (1985), p. 765–783.